

## **6. Предварительное следствие, суды и приговоры.**

7 июня КГБ при Совете Министров СССР (П.Ивашутин) отчитался о событиях в Новочеркасске перед ЦК КПСС. 10 июня 1962 г. Ф.Р.Козлов, судя по помете на докладной Ивашутина, устно докладывал Президиуму ЦК КПСС<sup>3</sup>. Подробности подобных устных обсуждений и консультаций, как правило, навсегда остаются неизвестными историкам. Однако общей направление дискуссии известно. Как следует из протокола заседания Президиума ЦК КПСС № 35а от 10 июня 1962 г., на обсуждении информации Ф.Р.Козлова о событиях в Новочеркасске выступили, кроме самого Козлова, лишь три человека (А.Микоян, Ильичев и Хрущев). Остальные, а среди них были практически все участники будущего заговора против Хрущева, предпочли промолчать. В своих выступлениях организаторы вооруженного подавления новочеркасских волнений – Козлов и Микоян, а также сам Хрущев и его верный идеолог Ильичев, оценили свои кровавые действия кратко, но однозначно положительно:

«Хорошо провели акцию.

Другого выхода у нас не было.

Большинство поддерживает»<sup>4</sup>.

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98285. Л.13-14

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93662. Л.16

3 Исторический архив. 1993. № 1. С. 122

4 Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. С.567-568

Политический результат обсуждения на Президиуме ЦК КПСС очевиден. Коммунистические вожди, лично Н.С.Хрущев, дававший санкцию на расстрел, напуганные и озлобившиеся на свой народ, решили осудить «зачинщиков» «на всю катушку» и, продемонстрировав «строгость» к бунтовщикам, подавить очаг сопротивления в Новочеркасске зародыше. Широкой огласке дело решили не предавать, на многие годы «засекретив» даже сам факт волнений. Однако в Новочеркасске, где «секретить» было совершенно бессмысленно, решили устроить показательный процесс.

Учитывая, что никакой действительной «организации» в Новочеркасске не было, предварительное следствие и суд, получившие столь ясную политическую директиву, встали на путь фабрикации дел, а в число «зачинщиков» запихнули всех, кто попался под руку, особенно, если из них можно было слепить образ хулиганов, отщепенцев, паразитов и тунеядцев. Идеально на эту роль подходили люди с судимостями. Ими то и занималось в первую очередь следствие при фабрикации уголовных дел. «Я , - писал в одной из своих жалоб Е.Ф.Сильченков, - задал вопрос на суде обвинителю Кривошеину: «За что Вы меня судите?». Получил ответ: за то, что я когда-то был судим, значит я недоволен на Советскую власть, т.е. не подхожу ни к одному пункту кодекса строителя коммунизма»<sup>1</sup>.

Следствие упорно цеплялось за любые доказательства того, что люди, избранные в качестве «козлов отпущения», организовывали или способствовали организации погромов. Для этого применялся несложный прием. Следствие постоянно возвращалось к обстоятельству, «важному для дела»: совершая те или иные действия (призывы к забастовке, демонстрации, требования о снижении цен и т.п.), подследственные уже знали о происходивших в других местах беспорядках и погромах. А раз знали, то «по существу (?!- В.К.) призывали к их активизации и расширению»<sup>1</sup>, то есть действовали умышленно и злонамеренно. Жестокость приговоров, вынесенных участникам новочеркасских событий, во многом была «обоснована»

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.47

именно этим абсурдным допущением. А в дополнение к нему беспредельные натяжки, связанные с обвинением части подсудимых в организации волнений. «За что дается срок 15 лет по статье 79, - спрашивал тот же Е.Сильченков. - За организованное вооруженное нападение на власть. А кто организовал?»<sup>2</sup>

Кроме того в ход пошли приемы, вполне достойные сталинской эпохи. Так про Геннадия Гончарова стало известно, что он и его товарищ 2 июня «принимали участие в так называемой «демонстрации» и даже заходили в здание горкома партии»<sup>3</sup>. Поскольку «практической деятельности Гончарова в этом не установлено», этот эпизод ему не инкриминировался. Но все-таки прокурор Шубников не удержался и предложил использовать эти сведения в суде хотя бы для отрицательной характеристики личности Гончарова.

Далеко не всегда следствие проявляло такую похвальную «сдержанность». Красноречив случай с Е.Левченко. Следствие явно игнорировало противоречия в показаниях свидетелей. Никто не отрицал, что какая-то женщина с балкона призывала к освобождению якобы арестованных рабочих из милиции. Однако в показаниях свидетелей явно были противоречия: возраст (то ли 30, то ли 40 лет), одежда (то ли черный жакет с цветастым платьем или черное платье, то ли красноватый джемпер или свитер). Одна из свидетельниц, сказала, что выступавшая была ее знакомой по имени Галя (Левченко зовут Екатерина)<sup>4</sup>. Те, кто видел выступавшую с балкона женщину с близкого расстояния (А.М.Миронов, тоже выступавший с балкона, В.Д.Черепанов, вместе с ней участвовавший в нападении на милицию), так и не опознали в ней Левченко. Возможно речь вообще следовало вести о двух женщинах, отличавшихся и по возрасту, и по одежде. Недаром же Левченко признала себя виновной только частично. В любом случае, предварительное следствие в спешке обходило острые углы, прибегая мягко говоря к весьма странной логике: «Из показаний обвиняемого

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.93661. Л.162

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.52

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.210

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.93661. Л.148-154

Миронова видно, что в данном случае речь идет о Левченко, хотя Мионов на следствии ее и не опознал»<sup>1</sup>.

Подобную логику «доказательств» можно было бы считать юридическим курьезом, если бы она не была возведена в систему. В одном из заключений Прокуратуры СССР (январь 1965 г.) по жалобе Тульнова, полностью отрицавшего свою вину, было сказано, что его активное участие в нападении на милицию «подтверждается фактом задержания его на месте преступления в числе первых». И все! Но Тульнов утверждал, что заглянул из любопытства, и нет свидетелей, которые могут подтвердить обратное. Ни следствие, ни суд поиском таких свидетелей себя, естественно, не утрудили, поскольку, как выразился Тульнов, «искали во мне врага»<sup>2</sup>.

Вячеслав Черных прямо обвинял следствие в фальсификации своего дела: «Майор Васильев воспользовался моими чистосердечными признаниями, моей темнотой и огрязнил меня. Я удивляюсь тому, что как могли органы безопасности провести дознание так, как было, без ошибок. Им нужно было найти организаторов, а они ленились, вот и пришили мне, что я вообще не делал. Все облегчающие обстоятельства, а также тех свидетелей, которые говорили в мою пользу, во внимание не брали»<sup>3</sup>. На «отдельные проделки следователя Демидюка» жаловался в Прокуратуру СССР Георгий Васюков. Он подчеркивал, что суд «абсолютно не прислушался к свидетелям, которые изменяли свои показания, не взирая на то, что ранее ряд свидетелей показывал совсем противоположное»<sup>4</sup>.

Со свидетелями вообще «работали», выбирая исключительно удобных, либо тех, кого удалось соответствующим образом «подготовить». Как писал, в частности, Е.Сильченков, державшийся до конца и так и не признавший своей вины, свидетели обвинения после процесса говорили: «Мы не знали, мол, что будут давать такие срока, нас инструктировал следователь...»<sup>5</sup>. В жалобе на имя председателя

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.152

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98327. Л. 38, 58

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93662. Л.106 об.

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95895. Л.1об.-2

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.123 об.

Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 10 января 1964 г. Ефим Федорович пытался привлечь внимание к технологии фабрикации его уголовного дела: игнорирование показаний неудобных свидетелей и патологическая доверчивость к свидетелям удобным<sup>1</sup>. Речь, в частности, шла о знакомом Сильченкова, заводском коммунисте, который просил его как человека пожилого и солидного повлиять на толпу, убедить ее пропустить поезд. Тем самым появлялся эпизод, не только косвенно доказывающий отсутствие злого умысла в действиях обвиняемого, но и говорящий о его вялых попытках помочь с властям в наведении порядка. Предварительное следствие и суд проигнорировали показания этого свидетеля, но не опровергли их<sup>2</sup>.

На пристрастность и предвзятость следователя Демидюка жаловался и В.Г.Бахолдин: «Мой следователь капитан Демидюк, который вел мое дело, собирая материал лишь тот, который меня уличал, а также и свидетелей тех, которые меня могли уличить. А тех свидетелей, которых я указывал следователю, что они могут оправдать эти ложные показания, следователь под разными предлогами отводил их и не собирался искать этих людей, хотя я указывал фамилии и их адреса...»<sup>3</sup>

В.А.Уханов обратил внимание на то, что вместо показаний свидетелей, постоянно находившихся поблизости от него в момент событий, предварительное следствие и суд предпочли использовать показания тех, кто видел его действия издалека, а слышать вообще не мог. Он называл имена людей, готовых подтвердить, что выкриков вообще не было. Уханов обратил внимание и на то, что свидетель под нажимом следствия оговорил его, а потом на очной ставке и на суде от своих показаний отказался. Однако «суд заменил в приговоре свидетельское «не слышали» на «слышали»»<sup>1</sup>.

Любой непредвзятый профессионал сказал бы, что в деле Уханова вообще не сходятся концы с концами, как, впрочем, и во многих других делах, если не во всех. Не случайно после одной из жалоб

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.9

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.93 об.

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95895. Л.111

Уханова Прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР Т.Г.Соколова пришла к заключению: осужденный «приводит заслуживающие внимания доводы» и поручила начальнику аналогичного отдела Прокуратуры РСФСР М.Н.Рогову проверить обоснованность осуждения<sup>2</sup>. Ответ Рогова удивляет полным пренебрежением элементарной логикой и здравым смыслом. Установка на отрицательный ответ по жалобе настолько сильна, что формальная сторона дела Рогова вообще не волновала. Он продолжал упрямо следовать абсурдной логике предварительного следствия и суда. «В жалобе, адресованной в Прокуратуру СССР, - писал в своем ответе Рогов, - Уханов указывает, что приговор не соответствует материалам уголовного дела, что свидетель Трофимов оговорил его, и что он осужден необоснованно». Казалось бы ясно: нужно проверить показания Трофимова и сравнить их с показаниями других свидетелей. Вместо этого Рогов пишет: «однако показаниями допрошенных на следствии и в суде свидетелей Уханов изобличается в инкриминируемых ему действиях» и приводит единственную цитату... Показания все того же Трофимова!<sup>3</sup>. Соколова же, видимо, решила не связываться и сделала вид, что удовлетворена отпиской Рогова.

Примером вопиющих подтасовок можно считать обвинение И.А.Гранкина в нападении на милицию. «Засудить» тяжело больного инвалида помогли клеветнические показания давно ненавидевшей подсудимого соседки<sup>4</sup>.

Ряд свидетелей пытался противостоять нажиму следствия, выдавливавшему из них нужные показания. Например, оператор газораспределительной станции Н.Г.Федоров, как уже говорилось, отказался опознавать участников «похода» Сергея Сотникова, а «в части угроз ему со стороны хулиганов показаний не дал»<sup>5</sup>. Некоторые свидетели так и не признали в Екатерине Левченко зачинщицу

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.40-41

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.33

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.36-37

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98327. Л.43-44

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.93661. Л.164

нападения на милицию 2 июня 1962 г.<sup>1</sup>. В тех случаях, когда не удавалось найти удобных свидетелей из числа жителей города, следствие обращалось к помощи «понимающих момент» и то, что от них требуется, к сотрудникам милиции. Чтобы облегчить покладистым свидетелям жизнь, следствие в ряде случаев отказывалось от проведения очных ставок с подсудимыми.

Готовясь к первому судебному процессу и составляя обвинительное заключение, прокурор Ю.Шубин (еще до формирования дела) составил справки на всех обвиняемых, в которых собрал весь компромат, который только можно было использовать для очернения личностей будущих подсудимых, и сформулировал как бы «практические рекомендации» по ведению процесса для А.А.Круглова, государственного обвинителя на процессе по делу № 22, и Л.Н.Смирнова, Председателя Верховного Суда РСФСР, ведущего процесс.<sup>1</sup>.

Суд, как и доказывали в своих многочисленных жалобах осужденные, действовал заодно со следствием и обвинением, вполне разделяя их специфическую логику доказательств и тактику действий. Чтобы не было неожиданностей, решили «подготовить» к процессу даже адвокатов подсудимых. Во всяком случае попытки родственников самостоятельно нанять платных адвокатов были пресечены. По словам Сильченкова, его жена пригласила адвоката, заплатила большие для семьи деньги (140 руб.). С делом «наемный адвокат» (выражение Сильченкова) познакомился, но на процесс его так и не пустили - защиту передали «казенным» адвокатам. Деньги пропали. Вернули только 42 рубля.

Сам суд «провернули» быстро. Возражавшим и не желавшим каяться подсудимым немедленно затыкали рот. «Суд буквально не давал мне говорить. - Жаловался В.Уханов. - Вернее он давал мне говорить, но как только я начинал говорить, судья прерывал меня: «Садись, хватит, суду все ясно. При этом доставал из дела старый с времен 1947 года мой приговор и, потрясая им, говорил: «Садись, с

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.93661. Л.152-153

прошлого твоего известно, кто ты, и что ты с себя представляешь. Суду все ясно»<sup>2</sup>.

Выполняя заказ верховной власти, суд вынес приговоры, в том числе «расстрельные», ни в коей мере не соответствовавшие тяжести содеянного и основанные на фальсифицированных уликах. В худшем положении, как это ни парадоксально, оказались те обвиняемые, которые никакого физического насилия по отношению к представителям или сторонникам власти не совершали. «Мы находимся на строгом режиме все вместе... - Писал Е.Сильченков. - И вот среди нас есть лица, которые совершили физически особо тяжкое государственное преступление. Но они осуждены как хулиганы ст.206... Я понимаю, если б не было хулиганов, то не нужно было бы искать и делать подстрекателей, в которые я попал без вины. А эти твари, которые прямые преступники, уже расконвоированы, и им доверие, а все делает статья, написанная на белой бумаге, но некому даже заглянуть в их черные души»<sup>3</sup>.

В задачу книги не входит подробный анализ юридической состоятельности следствия, суда и приговоров по делам о массовых беспорядках в Новочеркасске. Однако и сказанного достаточно, чтобы понять: по прямому поручению верховной власти в Новочеркасске готовилась показательная расправа, призванная запугать и образумить «распустившихся» горожан, политически и морально дискредитировать участников волнений, сформировать даже у тех, кто «не попался», комплекс вины перед властью.

Первый, наиболее важный для властей открытый процесс проходил 14-20 августа 1962 г. в Новочеркасске. Судили тех, кого власти решили отнести к организаторам и зачинщикам беспорядков, - А.Ф.Зайцева, М.А.Кузнецова, В.Д.Черепанова, Б.Н.Мокроусова, А.А.Коркача, С.С.Сотникова, В.Г.Шуваева, Е.П.Левченко, В.И.Черных, Г.А.Гончарова, И.П.Служенко, Г.Г.Каткова, Г.М.Щербана и Ю.В.Дементьева. Семерых приговорили к расстрелу, остальных к

---

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 9366. Л.61

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.41

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.95432. Л.52 об. -53



длительным срокам лишения свободы (от 10 до 15 лет). Для того, чтобы вынести «расстрельные» приговоры, предварительное следствие и суд, пошли на грубое нарушение закона. Они предъявили «семерке» и сочли доказанным обвинение в бандитизме - ст.77 УК РСФСР (редакция 1960 г.), предусматривающая смертную казнь. Ст.79 УК РСФСР (массовые беспорядки) такой меры наказания не предусматривает. Авторы публикации документов о событиях в Новочеркасске отметили, что применение ст.77 к участникам беспорядков было неправомерно. В Комментариях к УК РСФСР говорилось, что непереносимым условием отнесения того или иного деяния к бандитизму является применение обвиняемым оружия (предметов, предназначенных исключительно для поражения живой цели, для права пользования, ношения и хранения которых требуется специальное разрешение). В том же Комментариях к квалифицирующим признакам бандитизма была отнесена устойчивость группы (объединение людей не для одного только акта, но и для последующих действий)<sup>1</sup>. Ничего подобного, как мы видели, в действиях даже самых активных участников волнений следствию обнаружить не удалось. Но кого это могло остановить в стране, где воля «начальства» выше совести и закона.

Судебный процесс должен был не только напугать жителей Новочеркасска, но и доказать им, что в танки в город вводили правильно, что у власти не было иного выхода как расстрелять толпу «хулиганствующих» и кровавых бандитов и т.п. Одновременно верховные правители и прежде всего Хрущев пытались убедить и самих себя в том, что «народ» на их стороне. Не случайно о ходе процесса КГБ, Прокуратура СССР и Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР регулярно информировали высшее руководство страны. С первой информацией КГБ и Прокуратуры СССР, датированной 16 августа 1962 г., ознакомились члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС. На полях документа остались визы Н.С.Хрущева, Г.И.Воронова, А.И.Микояна, А.Н.Косыгина, Л.И.Брежнева,

---

1 Исторический архив. 1993. № 4. С. 176-177

Н.М.Шверника, О.В.Куусинена, Л.Ф.Ильичева, М.А.Суслова,  
Д.С.Полянского, В.В.Гришина.

Все в этой информации должно было доказать, что принятое решение было абсолютно правильным и «народ» вполне разделяет ненависть власти к бунтовщикам и «хулиганствующим». Еще бы! Одни преступники сами раскаялись, другие, те, кто свою вину полностью или частично отрицал, - «были изобличены свидетелями как отъявленные преступники, рвачи и морально разложившиеся люди»<sup>1</sup>. Успокоительным бальзамом для «начальства» должны были стать тщательно подобранные КГБ и отвратительные по своей кровожадности «высказывания» очевидцев процесса, на котором ежедневно присутствовало до тысячи человек «общественности» (по другим сведениям, 450-500 человек<sup>2</sup>). «Многие рабочие, побывавшие на суде, - говорилось в информации, - высказывают мнение, что таких преступников нужно не судить, а стрелять без суда и следствия. Рабочие сборочного цеха электровозостроительного завода Радченко и Шиния, возвратившись с процесса, рассказали в цехе об истинном лице людей, которых судят. Их рассказ был встречен возгласами рабочих по адресу преступников: «Сволочи», «толстосумы», чего они хотели добиться». Токарь аппаратного цеха этого завода Ферапонтов рассказывал товарищам по работе: «Судят отъявленных негодяев, многие из них в прошлом уголовники. Есть два паразита, которые больше всех кричали об улучшении жизни, а у самих имеются собственные дома, дачи, у одного автомобиль, у другого - мотоцикл. Таких гадов надо изолировать от общества и наказать самым суровым образом»<sup>3</sup>.

Власть услышала то, что она хотела услышать: «Где были наши глаза, за кем мы пошли, ведь там одни только бандиты, которые по 3-4 раза судимые и по семь раз были женаты»<sup>1</sup>. В целом первый судебный процесс над участниками волнений свою сверхзадачу выполнил. «Начальство» могло быть довольным. Приговор зал встретил «продолжительными аплодисментами», а КГБ и Прокуратура СССР

---

1 Исторический архив. 1993. № 4. С. 173

2 Исторический архив. 1993. № 4. С. 175

3 Исторический архив. 1993. № 4. С. 173

гордо заявили: «Если ранее часть людей не понимала происшедших событий, то теперь жители гор. Новочеркаска разобрались в их существе, поняли, что беспорядки были спровоцированы уголовно-хулиганствующими элементами и с возмущением осуждают преступные действия бандитов и хулиганов»<sup>2</sup>. Лишь заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР В.И.Степакوف сквозь зубы выдал из себя признание. Оказывается «отдельные лица» все-таки выражали «свое сочувствие осужденным, считая их действия правильными»<sup>3</sup>.

Сами осужденные, как те, что признали вину, так и те, кто держался стойко и настаивал на полной невинности, были единодушно в одном: мера наказания ни в одном случае не соответствовала тяжести содеянного. Суд не принял во внимание ни личности осужденных, ни причин возникновения событий. Кассационные жалобы остались «без удовлетворения». А на все последующие индивидуальные и коллективные обращения в высшие партийные, государственные и судебные органы приходили поначалу однотипные, штампованные ответы: «Осужден правильно».

Даже у тертых и привыкших следовать в русле политической конъюнктуры работников Отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР было понимание того, что приговоры новочеркасским бунтарям шиты белыми нитками. В одном из надзорных производств Прокуратуры СССР в отдельном пакете сохранились рукописные записки кого-то из прокурорских работников по делу Бахолдина, Васюкова, Сухина, Осташкова и Овчаренко с критикой судебного приговора. К ним пришпилена записка, датированная 22 февраля 1964 г.: «Эти записки прошу Вас сохранить в особом пакете, ибо к этому делу мы еще вернемся»<sup>1</sup>.

Снятие Хрущева вселило в осужденных надежду. Ведь если сами партийные боссы признали Хрущева чуть ли не самым главным виновником всех мыслимых бед, то логичным было бы и оправдание тех,

---

1 Исторический архив. 1993. № 4. С. 173

2 Исторический архив. 1993. № 4. С. 175

3 Исторический архив. 1993. № 4. С. 176

кто выступил против ошибочной, волюнтаристской и т.п. политики Хрущева еще в 1962 г. Последовала целая серия коллективных и индивидуальных жалоб. Прокуратура СССР выступила, наконец, с протестами по нескольким новочеркасским делам. В протестах содержалась довольно серьезная критика отдельных приговоров. В результате прокурорских протестов ряду осужденных снизили сроки наказания, некоторых даже помиловали. Но никого не оправдали! «Осужден обоснованно», пусть и с перебором по части срока заключения, - на этом официальные инстанции продолжали настаивать вплоть до падения коммунистического режима.